

ИСТОРИЯ

УДК 94; 327; 94 (47). 084.8
DOI 10.52452/19931778_2025_1_8

СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕРМАНО-ТУРЕЦКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ–АВГУСТ 1941 г.)

© 2025 г.

А.Г. Постников

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

rag-unn2@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Статья посвящена некоторым проблемам отношений между Третьим рейхом и Турецкой Республикой после подписания германо-турецкого договора о дружбе и нападения Германии на СССР. Рассматриваются и анализируются немецкие планы относительно дальнейшей судьбы Турции и ее места в замышляемой нацистской верхушкой «новой Европе». Акцентируется внимание на различиях в подходе главы германского МИД и посла в Анкаре к решению турецкой проблемы. Прослеживаются основные моменты двустороннего переговорного процесса по вопросам, возникавшим по мере развития военной обстановки в России и на Ближнем Востоке. Кроме того, в статье рассматривается позиция и отношение Турции к военным акциям, проводимым державами Оси вблизи ее границ, а также к запросам и предложениям немцев. В заключении дается оценка результатов усилий германской дипломатии на данном этапе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; германо-турецкий договор о дружбе; Красная армия; нейтралитет Турции; «новая Европа»; пантюркизм; черноморские проливы.

Введение

В межвоенный период и в годы II Мировой войны отношения между Германией и Турецкой Республикой прошли несколько различных этапов. О взаимной заинтересованности двух стран в экономическом сотрудничестве и о большом военно-политическом значении Турции хорошо известно. С началом войны в Европе, и особенно после распространения боевых действий на Средиземноморье летом 1940 г., это значение как для Германии, так и для других участников мирового конфликта резко возросло.

Начавшееся 22 июня 1941 г. германо-советское противостояние обострило проблему черноморских проливов и осложнило вопрос о сохранении турецкого нейтралитета. В целом борьба враждующих блоков за привлечение Турции приобрела в это время настолько серьезный характер, словно весь ход войны и даже победа в ней зависели от того, на чьей стороне будет это государство [1].

Нападение нацистской Германии на СССР, наряду с заключенным за несколько дней до

этого германо-турецким договором о дружбе, положило начало новому этапу и в отношении между Третьим рейхом и Турецкой Республикой. Несмотря на официально заявленный турками нейтралитет в германо-советском конфликте, немецкое вторжение в пределы Советского Союза и первые успехи вермахта вызвали в Анкаре взрыв воодушевления и плохо скрываемую радость. Об этом свидетельствуют, к примеру, послевоенные воспоминания германского посла в Анкаре Ф. фон Папена [2, с. 242–243]. Более того, турки начали оказывать немцам некоторые конкретные услуги, в том числе и военного характера.

О такого рода фактах упоминается практически во всех работах, затрагивающих проблемы германо-турецких отношений после 22 июня 1941 г. Анализируя эти публикации, можно выделить два основных вопроса, на которые прежде всего обращалось внимание их авторов. Во-первых, это вопрос об использовании немцами черноморских проливов в военных целях и, во-вторых, вопрос об определенной поддержке со стороны германской дипломатии

широко распространившихся в Турции пантюристских замыслов и проектов с ярко выраженной антисоветской направленностью. Так, о регулярном попустительстве турецкой стороны проходам германских военных судов через проливы писала армянская исследовательница Р.С. Корхмазян. Подчеркивая стремление турок угодить Германии, она указывала на их обещание информировать Рейх обо всех мероприятиях СССР на Черном море, какие им станут известны, и не пропускать советские боевые корабли через проливы, а также препятствовать транзиту военных материалов в СССР [3, с. 116].

О неоднократных нарушениях Турцией в годы Великой Отечественной войны конвенции Монтрё говорится и в статье А.С. Аврутиной [4]. Данный факт не обходит стороной и постсоветская историография некоторых стран ближнего зарубежья [5].

Более того, как указывают В.А. Кузьмин и Е.С. Думнова, о своей готовности в случае необходимости открыть проливы для прохода германских войск и вооружений турецкое руководство заявило немцам еще в мае 1941 г. во время германо-турецких переговоров о заключении договора о дружбе [6]. В фундаментальном исследовании Н.Г. Киреева об истории Турции в XX в. в связи с рассматриваемой проблемой подчеркивается, что уже 12 июля 1941 г. СССР направил турецкому правительству ноту, в которой обращалось внимание на явно противоречащее конвенции Монтрё разрешение турок германскому военному катеру «Зеефальке» 9 июля пройти в Черное море. В ответ из Анкары пришло пространное разъяснение о том, что в данном случае речь идет о немецком торговом судне и потому никакого нарушения конвенции нет. Такой позиции Турция придерживалась и в дальнейшем [7, с. 243–244].

Интересно, что протест против фактического содействия Анкары германскому флоту были вынуждены выразить и англичане. Со своей стороны турки, как отмечает А.Ф. Рагимова, наряду с отклонением всех упреков выдвигали встречное обвинение в заключении тайного договора между Англией и СССР, предусматривавшего признание русских претензий на черноморские проливы [8].

Значительное место в рассматриваемых работах также отводится вопросу о резком всплеске в Турции после 22 июня 1941 г. пантюристских настроений. Так, еще Р.С. Корхмазян писала об активизации в это время пантюристских организаций и связанных с ними мусульманских белоэмигрантских центров, аппетиты которых простирались на обширные территории СССР от Крыма до Нижнего и Средне-

го Поволжья и прикаспийских степей и далее на Восток вплоть до Синьцзяна. При этом автор подчеркивала, что хотя эти идеи разделялись многими высокопоставленными политическими и военными деятелями Турции, на официальном государственном уровне со времен Ататюрка они отвергались, особенно в части, касающейся СССР [3, с. 116–117].

А.С. Аврутина указывает на то, что усилению деятельности пантюристских и профашистских партий и группировок в Турции еще до войны в большой мере способствовала немецкая пропаганда [4]. О ее широком распространении в Турции с конца 1930-х гг. и активном использовании в своих целях пантюристских идей пишет и М.В. Дацишина [9].

Д.Е. Еремеев также отмечает, что именно с поощрения германской дипломатии в начале июля 1941 г. в Турции был создан пантюристский комитет. Тогда же в одном из пантюристских изданий под названием «Бозкурт» («Серый волк») появилась статья «Пантюризм ждет», содержащая карту «Великой Турции», в которую были включены Закавказье и Средняя Азия [10].

О попытках пантюристски настроенных дипломатов и политиков договориться с немцами о координации антисоветских действий пишет и Н.Г. Киреев. Он достаточно подробно излагает содержание состоявшихся в августе–сентябре 1941 г. бесед статс-секретаря германского МИД Э. фон Вейцеккера с турецким послом в Берлине Х. Гереле и одним из наиболее убежденных пантюристов Нури-пашой. Как тот, так и другой уверяли фон Вейцеккера в возможности поднять на Кавказе антисоветское восстание тюркских племен. Сами немцы, однако, рассматривали тюркскую националистическую пропаганду на оккупированных землях лишь как дополнительный инструмент для скорейшего расчленения СССР. В дальнейшем же Германия рассчитывала самостоятельно колонизировать эти богатые природными ресурсами области [7, с. 243–247]. То, что, по мнению германского военно-политического руководства, лишь одно государство могло осуществлять здесь гегемонию и эта роль отводилась отнюдь не Турции, отмечает и В.В. Марковчин [11].

Итак, вопросы о транзите германских военных судов через проливы и об использовании Германией фактора пантюризма для развала СССР изнутри рассмотрены в исследовательской литературе достаточно подробно. В то же время в процессе отношений с Турецкой Республикой летом–осенью 1941 г. Берлин преследовал и другие цели. В частности, германская дипломатия продолжила начатые еще осенью 1940 г. попытки привлечь Турцию к созданию

так называемой «новой Европы» и тем самым окончательно перетянуть эту страну в лагерь держав Оси. С другой стороны, несмотря на многие уступки со стороны Турции, отношения между странами в этот период были далеко не безоблачными. Об этом свидетельствуют как германские дипломатические документы, так и материалы из фондов АВП РФ. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть и проанализировать некоторые пока еще недостаточно изученные проблемы германо-турецкого сотрудничества после 22 июня 1941 г. и дать оценку результатам усилий германской дипломатии на данном этапе.

Хронологическими рамками статьи являются вторая половина июня – конец августа 1941 г. В эти два первых месяца германо-советской войны, оказавшей влияние в том числе и на германо-турецкие взаимосвязи, с одной стороны, были продолжены попытки германской дипломатии как можно теснее привязать Турцию к державам Оси, а с другой – в отношениях двух стран, несмотря на договор о дружбе, начали возникать некоторые проблемы и обоюдная подозрительность. В первых же числах сентября в активную фазу вступили германо-турецкие торговые переговоры, в определенном смысле положившие начало новому этапу в этих отношениях.

В статье впервые используются некоторые опубликованные архивные материалы из фондов АВП РФ. Для достижения обозначенной выше цели нами также были проанализированы документы из архива германского МИД.

Вопрос о «новой Европе» в германо-турецких отношениях летом 1941 г.

Германо-турецкий договор о дружбе от 18 июня 1941 г. стал итогом длительных и непростых переговоров, инициированных германской дипломатией осенью 1940 г. Однако это соглашение лишь еще раз подтвердило и формально закрепило турецкий нейтралитет и зафиксировало обязательства сторон воздерживаться от каких-либо враждебных действий по отношению друг к другу. При этом Турция сохраняла обязательства по всем прежним договорам, и самое главное – она оставалась союзницей Великобритании, что не могло не раздражать германское руководство.

Поэтому германская дипломатия не прекратила попыток окончательно привязать Турцию к державам Оси и тем самым оторвать ее от Англии. Начиная с конца июня фон Папен в беседах с руководителями турецкого МИД постоянно указывал им на то, что само собой разумеющийся интерес Анкары к уничтожению большевизма

должен привести ее на сторону Третьего рейха. В конечном счете Турции все же придется решить для себя, желает ли она относиться к формируемой Рейхом «новой Европе» или, как и прежде, предпочитает оставаться придатком англо-американского фронта» [12, S. 147].

Сложившееся к середине июля положение Турции фон Папен характеризовал как крайне сложное. С одной стороны, турки были сильно обеспокоены продвижением германских войск к Кавказу. Именно в это время турецкие собеседники фон Папена стали намекать на то, что в Турции приветствовали бы создание на Кавказе федерации из родственных туркам племен, что должно было на долгое время защитить Турцию от русского давления и одновременно существенно усилить ее экономический потенциал. Представляется, однако, что все это замыслилось как барьер не только против России, но и против Германии.

С другой стороны, после поражения французских войск режима Виши в Сирии в июне 1941 г. там значительно усилились англичане, благодаря чему они, по словам фон Папена, получили возможность оказывать отсюда как экономическое, так и политическое влияние на Турцию. В результате турки вновь оказались, что называется, между молотом и наковальней.

В таком близком к тупиковому положении Турецкой Республики фон Папен усматривал значительные выгоды для политики Третьего рейха. Дипломат был уверен, что из этой проблемной ситуации Анкара может выйти лишь при согласовании своих действий с Германией, для которой в этом случае открывается возможность окончательно привлечь Турцию на свою сторону. Тем более что сами турки, казалось, медленно, но неуклонно двигались в данном направлении. Фон Папен подчеркивал, что несмотря на их вынужденную сдержанность, они однозначно желают того, чтобы после поражения большевизма Рейх смог достичь соглашение с западными державами, которое признавало бы право Германии удовлетворять свои потребности в «жизненном пространстве» и сырье на востоке Европы. Со своей стороны турецкие руководители весьма откровенно выражают готовность сделать все от них зависящее для достижения такого соглашения.

После победы над Россией единственной задачей в рамках европейской политики Германии, по мнению фон Папена, останется решение английской проблемы. Тогда, продолжал посол, было бы небезынтересно использовать Турцию в качестве посредника для предложения Лондону мирных условий. И после более чем вероятного резкого отказа англичан Турция имела бы

полное право похоронить свой союз с Англией и сделать безоговорочный выбор в пользу «новой Европы». «Там альянс – здесь дружба» – вот какая альтернатива должна быть предложена турецкому руководству. При этом фон Папен подчеркивал, что ни в коем случае нельзя оказывать на Турцию политическое и тем более военное давление. Только при помощи медленного психологического воздействия следует подталкивать ее к пониманию той «европейской задачи», принятие которой является для нее единственной возможностью вновь стать державой первой величины [12, S. 148–149].

Данное предложение посла встретило в Берлине достаточно прохладный отклик. В ответном письме И. фон Риббентроп подчеркивал, что считает такую комбинацию совершенно неверной, поскольку Германия не намерена предлагать мир Англии ни через Турцию, ни как-либо еще. Поэтому идея о привлечении Турции на сторону Рейха без помощи насилия, а лишь путем предоставления ей роли мирного посредника, так же как и целесообразность самого этого посредничества, является иллюзорной. Исходя из этого, фон Риббентроп убедительно просил посла оставить в дальнейшем эту мысль и тем более не развивать ее в беседах с дипломатами других стран.

Рейхсминистр был раздражен тем, что в американских и английских СМИ начали появляться сообщения о многочисленных мирных инициативах германского посла в Анкаре. Поскольку эти сообщения во многом совпадали с рассуждениями самого фон Папена, у фон Риббентропа едва ли имелись основания ставить под сомнение сам факт такого рода инициатив, хотя рейхсминистр и допускал, что представленные его послом сообщения могли быть переданы в СМИ в искаженном виде, и сетовал на непомерную болтливость дипломатического корпуса Анкары. Тем не менее, – продолжал фон Риббентроп, – для интересов Рейха подобные сообщения, независимо от степени их правдивости, являются чрезвычайно вредными, так как любые беседы немецких дипломатов, так или иначе связанные с мирными зондажами, рассматриваются врагами Германии как признак ее слабости [13, S. 173–174].

Эти упреки были решительно отклонены фон Папеном. В послании рейхсминистру от 28 июля он особо подчеркивал, что никогда и ни с кем не говорил ни о чем подобном. И потому все сообщения из Англии и США на эту тему являются подтасовкой и провокацией еврейских журналистов, давно стремящихся дискредитировать представителей Рейха и воспрепятствовать их работе в Анкаре.

На самом же деле, – продолжал фон Папен, – с начала русской кампании он во всех дипломатических беседах указывал на особый характер этой войны, поскольку она создает совершенно новую ситуацию в Европе. Впервые в истории задача уничтожения большевизма формирует единый европейский фронт, от участия в котором не сможет уклониться ни одно европейское государство. И в этом контексте Турция, в конце концов, должна будет четко для себя решить, хочет ли она на основании своих истинных интересов примкнуть к Европе или же и в дальнейшем оставаться на стороне врагов Рейха. Такой ход мысли, по мнению германского дипломата, крайне отличался от обычного мирного предложения [14, S. 191–192].

Кроме того, продолжал фон Папен, в случае возможного германского наступления на Египет со стороны Ближнего Востока немцам придется столкнуться с уже созданным и довольно сильным английским фронтом в Иране и Ираке. В такой ситуации нейтрализация 50 турецких дивизий является более чем желательной, и добиться этого возможно только на дипломатическом поле. В этой связи фон Папен сослался на позицию самого Гитлера, в частности, выраженную им в двух письмах президенту Инёню и состоявшую, по словам посла, в мудром сочетании демонстрации военно-политической мощи и дипломатической предупредительности. В заключении письма дипломат прямо заявил, что если рейхсминистр не доволен его работой, то в интересах Рейха, так же как и в его личных интересах, он готов закончить сотрудничество [14, S. 193].

Ответ фон Риббентропа от 11 августа носил исключительно примирительный характер. Автор письма уверял фон Папена в своем полном доверии лично к нему и его работе. Далее говорилось, что цель инструкции от 24 июля заключалась лишь в том, чтобы обратить внимание посла на связь между изложенными им рассуждениями и поступающими в Берлин от агентурных источников сведениями и предостеречь от любых мирных обсуждений, в том числе и с турецкими дипломатами. В то же время, по словам фон Риббентропа, он не утверждал и даже не предполагал, что именно фон Папен стал виновником подобного рода сообщений в прессе. С другой стороны, рейхсминистр явно не доверял туркам в их почти не скрываемой готовности помочь Рейху в установлении мира с Великобританией, видя в этом исключительно английскую провокацию.

При всем этом рейхсминистр полагал, что Турция будет и в дальнейшем, насколько это возможно, уклоняться от прямого вступления в войну и стремиться сохранять нормальные свя-

зи как с Германией, так и с Англией. И потому успеха в деле безоговорочного присоединения Турции к германскому блоку можно ожидать лишь тогда, когда у турок не останется никаких сомнений в способности германской армии в любой момент разгромить английские силы на Ближнем Востоке, и если при этом Германия сможет уверить Турцию в своей готовности поддержать ее давние территориальные претензии. Однако эти предпосылки, – продолжал фон Риббентроп, – могут сложиться лишь после окончательного поражения России осенью этого года. Только тогда военная сила и дипломатические возможности Германии станут максимальными, что необходимо для достижения желаемого результата. Если же и при этих условиях, – подводил итог рейхсминистр, – мы не сможем привлечь Турцию на свою сторону, то, скорее всего, добиться этого дипломатическим путем будет вообще невозможно.

А до того, по мнению фон Риббентропа, германской дипломатии нужно предпринять следующие конкретные шаги: во-первых, необходимо усилить доверие Турции, убедив ее в том, что Германия ни в коем случае не планирует покушаться на ее территориальную целостность, но, напротив, будет всегда рассматривать ее как хранителя морских проливов. Во-вторых, следует пробуждать и поддерживать едва дремлющие до сих пор турецкие имперские устремления во всех возможных направлениях. И, наконец, в-третьих, должно категорически отвергнуть любые мысли о каком-либо соглашении с Англией, ясно осознавая, что чем более бескомпромиссную позицию займут правительство Рейха и его представители за рубежом, тем легче будет Германии в нужное время преследовать свои политические цели как в целом, так и в отношении Турции в частности.

В заключении фон Риббентроп отмечал, что, на его взгляд, в ближайшей перспективе роль Турции как центра пересечения международных интересов будет возрастать. И потому в Германии желают укрепления дружбы с этой страной, не видя ни малейшего основания для разногласий с ней. Напротив, при согласовании своих действий с интересами Рейха Турция, по мнению фон Риббентропа, вполне смогла бы занять в той части мира намного более сильную, чем прежде, государственно-политическую позицию [15, S. 252–254].

Столь миролюбивый тон письма резко контрастировал с прежними заявлениями фон Риббентропа. Так, например, еще каких-нибудь два месяца назад, в ходе переговоров о заключении пакта о дружбе с Турцией рейхсминистр с сарказмом писал фон Папену, что настойчивость

турок в сирийском вопросе создает впечатление, будто именно для Германии этот договор является вопросом жизни [16, S. 794–795]. А в следующем письме фон Риббентроп вообще задавался вопросом о целесообразности дальнейших переговоров [17, S. 821].

Теперь же рейхсминистр фактически повторял рассуждения фон Папена, несколько ранее высказанные последним в разговоре с турецкими представителями. Кроме того, как было показано, фон Риббентроп даже был готов в перспективе поддержать территориальные претензии Анкары. Как представляется, причина такой перемены во взглядах заключалась в непростой обстановке на восточном фронте и отсутствии у Германии военных ресурсов для открытой конфронтации еще и с Турцией.

Об этом, в частности, свидетельствует стенограмма состоявшегося в середине августа совещания рейхсминистра с советником германского посольства в Анкаре Г. Кролем и начальником штаба оперативного управления ОКВ генералом А. Йодлем. В ходе беседы последний недвусмысленно заявил об отсутствии на тот момент у Германии необходимых сил для такой большой операции, как война с Турцией. Генерал полагал, что такая возможность появится не ранее конца года, когда будут разгромлены по крайней мере главные силы Красной армии, что позволит высвободить значительное число дивизий вермахта. Фон Риббентроп полностью разделял это мнение, допустив, однако, что занятие англичанами Ирана может значительно приблизить необходимость решения турецкой проблемы.

В итоге все участники совещания согласились с тем, что в отношениях с Турцией пока не следует прибегать к ультиматумам. Вместо этого нужно вести с турками тщательно подготовленный дружеский диалог с целью убедить их в искреннем стремлении Германии предоставить их стране важное место в «новой Европе» [18, S. 302–303].

Реализуя этот замысел, 19 августа 1941 г. фон Риббентроп провел переговоры с турецким послом в Берлине Х. Гереле и продемонстрировал ему оригинал телеграммы германского посла в СССР графа Ф. фон Шуленбурга от 25 ноября 1940 г., содержавшей советский ответ на предложение о присоединении к Тройственному пакту. Одним из условий согласия Москвы на это здесь значилось германское содействие в размещении русских военных баз в зоне Проливов на основе долговременной аренды. Стремление фюрера не допустить дальнейшего распространения «чудовища большевизма», – заявил фон Риббентроп, – было причиной гер-

манского отказа, который в свою очередь стал существенным основанием разгоревшейся вскоре немецко-русской вражды. При этом рейхсминистр особо подчеркнул, что занятая по вопросу о Проливах позиция Берлина на девяносто процентов отвечала интересам Турции и лишь на десять интересам собственно Германии [19, S. 307–308].

Таким образом, летом 1941 г. в германском МИД продолжали активно обсуждаться варианты решения турецкой проблемы и вопрос о роли и месте Турции в будущей «новой Европе». Параллельно с этим в переговорах с турецкими коллегами немецкие дипломаты поднимали и другие темы, проистекающие из конкретной военно-политической обстановки того времени.

Турция в военных планах Третьего рейха летом 1941 г. и позиция турецкого руководства

Несмотря на официальное заявление турецкого правительства о намерении сохранять нейтралитет в начавшейся германо-советской войне, большинство турецких газет после 22 июня заняли не только прогерманскую, но и в значительной мере антисоветскую позицию. Об этом в начале июля сообщал в НКВД полпред СССР в Турции С.А. Виноградов. При этом само правительство не пошло дальше формального заявления о нейтралитете, не пожелав уточнить своего истинного отношения к германской агрессии. Кроме того, уже в конце июня турки приступили к передвижению части своих войск в восточные районы страны, т.е. поближе к советской границе, и созданию там баз снабжения [20].

Тогда же германская дипломатия в лице посла фон Папена активно поддержала запрос Вишистской Франции к Турецкому правительству о пропуске французских войск и вооружений в Сирию и Ливан, куда 8 июня вторглись вооруженные силы Великобритании и организации «Свободная Франция». Однако турки категорически отклонили эту весьма настойчивую германо-французскую просьбу. В Анкаре не собирались отказываться от политики лавирования и к тому же опасались резкого усиления Германии в странах Леванта в случае победы здесь вишистов [21, с. 150–151]. В основе такой позиции Турции лежал в том числе ее давний страх перед эвентуальной германской агрессией, во многом сохранившийся и после подписания договора о дружбе, о чем С.А. Виноградов прямо говорил в одном из писем [20].

Более того, на волне событий в Сирии турки сами попытались укрепиться в этой стране. В разговоре с фон Папеном в начале июля турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу

предложил выступить в качестве доверенного лица французских сирийских войск и в случае их поражения занять Сирию и обеспечить французам почетную эвакуацию. После же войны, по словам Сараджоглу, Турция будет готова вернуть Франции Сирию, за исключением ее северной части. Прежде чем дать ответ, фон Папен пожелал обсудить это предложение с находившимся в Анкаре эмиссаром вишистского правительства Бенуа-Мешеном. В результате оба дипломата пришли к единому мнению, что подобный вариант является неприемлемым, поскольку у французской армии еще есть шанс выстоять, а также потому, что для последующего ведения Германией войны будет гораздо удобней иметь Сирию под господством Великобритании, чем под поручительством Турции [22, S. 71]. Это свидетельствовало о том, что и немцы не особенно доверяли своим турецким партнерам.

Еще более красноречиво об этом говорит заявление самого Гитлера о необходимости скорейшей переброски на болгаро-турецкую границу одной-двух танковых дивизий для создания угрозы Турции на случай, если она снова займет враждебную к Германии позицию. Это распоряжение было сделано рейхсканцлером на совещании с верховным командованием 8 июля 1941 г., т.е. всего через три недели после подписания договора о дружбе [23].

Однако вскоре французский контингент в Сирии все же капитулировал, и турки вновь вернулись к сирийскому вопросу. В очередном разговоре с фон Папеном Сараджоглу напомнил об огромном интересе Турции к северной Сирии и в этой связи попросил взвесить, не может ли Германия дать согласие на временное, т.е. до установления мира, занятие турками этой территории. При этом министр предложил отвести сюда французские сирийские войска, а затем репатриировать их во Францию [24, S. 91]. Это предложение было передано в Берлин, и в ответной телеграмме от 12 июля И. фон Риббентроп снова отклонил турецкую просьбу, сославшись на то, что данный шаг со стороны Германии будет явно расценен в Виши как нежелательный по отношению к Франции [25, S. 105].

По мере того как продвижение германских войск в России сталкивалось со все большими трудностями, сомнения Анкары по поводу дальнейших намерений Германии относительно Турции усиливались, и вместе с этим менялся тон турецкой прессы. На смену первоначальным заявлениям печати о непобедимости германской армии и неизбежном поражении СССР пришел тезис о том, что немцы должны во что бы то ни стало закончить войну к сентябрю, в

противном случае они обречены на поражение. Кроме того, непримиримая антигерманская позиция Лондона сильно поколебала надежду турок на то, что в скорых англо-германских мирных переговорах им достанется почетная роль посредника. Оценивая состояние германо-турецких отношений к концу июля, С.А. Виноградов в очередном письме в НКВД с уверенностью констатировал, что, несмотря на их внешнюю неизменность, «медовый месяц» в этих отношениях уже прошел.

Один из самых опытных турецких дипломатов статс-секретарь МИД Н. Менеменджиоглу в это время был вынужден признать, что безопасность Турции нельзя обеспечить одними моральными и политическими заверениями. Начавшиеся сразу после подписания договора о дружбе германо-турецкие экономические переговоры также зашли в тупик и были отложены до сентября. По поводу экономического сотрудничества с Рейхом министр иностранных дел Сараджоглу несколько двусмысленно заметил, что все мосты между странами разрушены. Эти слова можно было понять как в прямом, так и в переносном смысле. На самом деле, еще в апреле, когда Германия вторглась на Балканы, турки в целях защиты взорвали мосты на болгаро-турецкой границе через реку Марица. Такое положение дел, писал Виноградов, объясняет проведение во Фракии усиленных оборонительных мероприятий и дополнительный призыв резервистов.

С другой стороны, продолжал полпред, турки стараются избегать каких-либо неприятных разговоров с немцами, чтобы не усугублять и без того непростую ситуацию. Но, несмотря на все старания, мало-помалу над Турцией сгущались тучи [20].

В конце августа советский дипломат снова сообщал о все более заметных опасениях турок перед возможностью германской агрессии, подкрепляемых продолжением концентрации болгарских и германо-итальянских войск у границ турецкой Фракии. Осознавая серьезность положения, турецкое командование ускорило темпы возведения фортификационных сооружений в приграничной зоне. Кроме того, была проведена перегруппировка и сосредоточение большего количества турецких войск вблизи болгарской границы. При этом турецкое политическое руководство, стремясь не дать немцам повода для раздражения и недовольства, в официальных разговорах упорно отрицало возможность нападения Германии и ее союзников на Турцию, по крайней мере до тех пор, пока германская армия занята войной в России.

Это же стремление определило весьма сдержанную реакцию как политических кругов, так

и турецкой печати по вопросу о захваченных Красной армией документах, разоблачающих германские планы нападения на Турцию. В конце июля заместитель наркома иностранных дел СССР В. Деканозов распорядился передать турецкому послу в Москве часть этих секретных материалов и прилагаемые к ним географические карты. Документы содержали различные варианты вторжения в Турцию [26].

Об их передаче туркам сообщило ТАСС. Однако турецкие газеты ограничились лишь опубликованием данного сообщения, не сопроводив его никакими комментариями. В разговорах же с советскими дипломатами турки вообще говорили, что эти сведения уже неактуальны, поскольку относятся к периоду Балканской кампании вермахта. И в тот момент якобы турецкое руководство и общество были вполне подготовлены к возможной германской акции против Турции. Однако на самом деле, – писал С.А. Виноградов, – указанное сообщение ТАСС произвело очень удручающее впечатление на турецких политиков, хорошо понимающих, что их дружба с Германией носит сугубо конъюнктурный характер [20].

Естественно, что дипломатия Третьего рейха старалась направить опасения турок в противоположную сторону. Так, выше упоминалось о том, что для подрыва доверия Турции к СССР фон Риббентроп познакомил турецкого посла с советскими условиями, на которых осенью 1940 г. Москва была готова рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту. Кроме того, действия СССР и Англии в августе 1941 г. в Иране дали немцам повод пугать турок возможностью сговора Москвы и Лондона за счет Турции и угрозой ее окружения с востока.

Турецкая реакция на это была неоднозначной. С одной стороны, как руководство, так и печать не скрывали беспокойства по поводу фактической оккупации Ирана английскими и особенно советскими войсками, поскольку присутствие там последних, по мнению турецкого правительства, могло послужить началу большевистской пропаганды среди национальных меньшинств в Турции, и в первую очередь среди курдов. С другой стороны, из ряда источников советскому полпреду стало известно, что турки были весьма удовлетворены данной акцией, так как она укрепила их собственные позиции перед лицом Германии и, по словам Сараджоглу, положила конец немецким интригам в соседнем с Турцией государстве [20].

В конце августа 1941 г. германская дипломатия подняла перед руководством Турции еще один конкретный и очень непростой вопрос, дав понять, что от его решения будет во многом

зависеть дальнейшая судьба германо-турецкого сотрудничества. Речь шла о проблеме черноморских проливов. В Берлине были крайне заинтересованы в их полной блокировке для всех советских судов, включая и торговый флот СССР. Реализация Анкарой такого сценария очевидно противоречила бы конвенции Монтрё 1936 г. Однако руководство германского МИД в лице фон Риббентропа это совсем не смущало. По существу рейхсминистр призывал подталкивать Анкару к одностороннему выходу из упомянутого договора [27, S. 330–332].

Очередное требование к Турции немцы выдвинули в ходе начавшихся в первых числах сентября торговых переговоров, которые по причине жесткой позиции обеих сторон проходили в достаточно напряженной обстановке. При этом, кроме экономической составляющей, эти переговоры имели значительный политический аспект и потому, как представляется, в определенном смысле стали новым этапом в германо-турецких отношениях.

Заключение

Таким образом, на основании рассмотренных выше источников можно сделать вывод о том, что германо-турецкий договор о дружбе от 18 июня 1941 г. лишь отчасти снизил напряженность в отношениях двух стран, резко возросшую на рубеже 1940–1941 гг. Турция по-прежнему оставалась союзницей Великобритании, что вызывало в Берлине большое недоверие и подозрительность. В результате уже в июле 1941 г. началась концентрация германских и итальянских войск у границ турецкой Фракии. Все это порождало у турецкого руководства не только ответное недоверие, но и самые мрачные предчувствия и вынуждало усиливать собственную оборону на границе с Болгарией.

Такая напряженность грозила перерасти в открытое столкновение с Турцией, что в условиях начатой германской кампании на востоке для немцев было крайне нежелательно. И потому немецкая дипломатия продолжила поиск окончательного решения турецкой проблемы. Как и прежде, одним из наиболее последовательных сторонников мирного урегулирования отношений с Турцией был германский посол в Анкаре Ф. фон Папен. Единственно возможным способом достижения данной цели он считал постепенное и терпеливое вовлечение Турции в процесс формирования так называемой «новой Европы». Посол был уверен, что после 22 июня одним из самых серьезных стимулов германо-турецкого сближения должна стать обусловленная различными, в том числе и идеологиче-

скими, причинами заинтересованность турок в победе Рейха над СССР.

В отличие от фон Папена рейхсминистр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп никогда не испытывал больших симпатий и особого доверия к туркам. Однако в августе 1941 г. под давлением обстоятельств он был вынужден, по крайней мере на время, немного смягчить свою позицию и выразил принципиальную готовность окончательно урегулировать отношения с Турцией и даже поддержать в дальнейшем ее территориальные притязания. Вместе с тем дипломатические документы свидетельствуют, что такая уступчивость скорее была лишь внешней и носила исключительно ситуативный характер. Фон Риббентроп, так же как и военнополитическое руководство Рейха в целом, рассчитывал, что после скорой победы над Россией Германия сможет сосредоточить на турецких границах такие силы, которые позволят немцам перейти от уговоров к ультиматуму.

Со своей стороны турецкое руководство проявляло осторожность и довольно сдержанно относилось ко всем посулам и заманчивым предложениям немцев. Турки не спешили отказываться от традиционной политики лавирования. Гораздо больше, чем отдаленные перспективы «нового европейского устройства», Анкару интересовали конкретные вопросы ее безопасности. Поэтому уже в начале июля в беседах с фон Папеном турки выразили желание создать на Кавказе буферную зону в виде федерации родственных им народов. Одновременно с этим Анкара продолжила укреплять оборону во Фракии и приступила к сосредоточению войск на границе с Кавказом. В Берлине же явно не торопились идти навстречу турецким пожеланиям, рассматривая пантюркистскую пропаганду на советских территориях в лучшем случае как дополнительный инструмент для развала СССР. Тогда же немцы категорически отказались поддержать турецкие устремления в отношении северной Сирии.

В Анкаре все это вызывало разочарование и увеличивало подозрительность относительно истинных намерений Германии. При этом, усиленно готовясь к отражению возможной германской агрессии, турки все же не хотели давать лишний повод для раздражения Берлина и потому не только не выражали открыто своего недовольства, но зачастую закрывали глаза на некоторые выходящие за рамки всех международных договоров германские акции. В то же время высказанное в конце лета и больше походившее на требование немецкое пожелание о полном закрытии Проливов для всех советских судов Турция в конечном счете молчаливо отвергла, по-

сколькx такой шаг означал окончательный разрыв с СССР и резкое обострение отношений с Англией, на что Анкара при еще пока неясном исходе войны решиться никак не могла.

Таким образом, в июле–августе 1941 г. во внешнеполитическом ведомстве Третьего рейха был выработан в общем и целом единый подход к решению турецкой проблемы. В соответствии с ним следовало предпринять еще одну попытку мирным путем привлечь Турцию на сторону держав Оси, обещая ей в перспективе весьма важное место в планируемом нацистами новом мироустройстве. Но в условиях приобретающей все более затяжной характер войны это была достаточно отдаленная и скорее стратегическая цель. В то же время почти по всем конкретным тактическим вопросам германо-турецких отношений соглашения достичь не удалось. Единственным исключением стал проход нескольких германских военных судов в Черное море. Германская дипломатия не смогла подорвать отношения Турции с Англией и СССР. Однако немцы не теряли надежду. Впереди был очередной раунд германо-турецких экономических переговоров, в ходе которых Берлин намеревался решить очень важные для военной промышленности Третьего рейха вопросы.

Список литературы

1. Мелконян К. Советско-турецкие отношения: от нейтралитета до требования (1941 г.) // *Bulletin of the Institute of Oriental Studies*. Т. 1 № 2. Ереван: Институт востоковедения НАН Республики Армении, 2021. С. 76–87. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48077759>
2. Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947: Пер. с англ. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. 590 с.
3. Корхмазян Р.С. О позиции Турции в отношении Советского Союза (1941–1943 гг.) // *Военно-экономические и дипломатические аспекты истории Второй мировой войны (Сборник научных трудов)*. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 1990. С. 113–124.
4. Аврутина А.С. Германо-турецкие отношения в 30–40-е годы XX века // *Вторая мировая война на Востоке. Восток во Второй мировой войне: Сборник статей молодых востоковедов*. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2005. С. 5–14.
5. Болдырев А.В. О взглядах на политику Турции в годы Второй мировой войны в современной историографии стран ближнего зарубежья // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 2 (16). С. 274–281.
6. Думнова Е.С., Кузьмин В.А. Особенности англо-турецких отношений в 1940–1941 гг. // *Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории*. № 14. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2012. С. 202–213.
7. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт, 2007. 608 с.
8. Рагимова А. Ф. Англо-франко-турецкий договор 1939 года в контексте турецко-германских отношений // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (36). С. 68–75.
9. Дацишина М.В. Провал пропаганды гитлеровской Германии в Турции // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 7. С. 52–58.
10. Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. 220 с.
11. Марковчин В. Неловкая игра в турецкий маджонг // *Юность и знания – гарантия успеха: Сборник научных трудов 6-й Международной молодежной научной конференции*. Курск, 18–19 сентября 2019. Т. 2. Курск: Изд-во Юго-Западного государственного университета, 2019. С. 75–80.
12. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Politischer Bericht vom 14. Juli 1941 // *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Bd. XII. 2. Göttingen, 1969. S. 147–149.*
13. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 24. Juli 1941 // *ADAP. S. 173–174.*
14. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm vom 28. Jule 1941 // *ADAP. S. 191–193.*
15. Reichsaussenminister von Ribbentrop an Botschafter von Papen. Dok. vom 11. August 1941 // *ADAP. S. 252–254.*
16. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 4. Juni 1941 // *Akten zur deutschen auswaertigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen auswaertigen Amts. Serie D: 1937–1941. Band XII. 2. Baden–Baden, 1969. S. 794–796.*
17. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 9. Juni 1941 // *ADAP. S. 820–822.*
18. Aufzeichnung des Gesanden 1. Kl. Smend. Dok. vom 24. August 1941 // *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Bd. XII. 2. Göttingen, 1969. S. 302–304.*
19. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 25. August 1941 // *ADAP. S. 306–308.*
20. Письма, полученные из посольства СССР в Турции (16.01.1941–22.12.1941) // *АВП РФ. Ф. 06 «Секретариат В.М. Молотова». Оп. 3 АВТО. Д. 297. П. 22. Режим доступа: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=19 (дата обращения: 22.05.2024).*
21. Грак В.Н. Военные действия в странах Леванта и позиция Германии (июнь–июль 1941) // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1943)*. Свердловск: Уральский государственный университет, 1977. С. 141–155.
22. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Politischer Bericht vom 4. Juli 1941 // *ADAP. S. 70–72.*
23. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1969. 628 с.

24. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm vom 9. Juli 1941 // ADAP. S. 91.

25. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 12. Juli 1941 // ADAP. S. 105.

26. О захваченных у немцев секретных документах о подготовке немецких фашистов к нападению на Турцию (01.07.1941–27.07.1941) // АВП РФ. Ф. 06

«Секретариат В.М. Молотова». Оп. 3 АВТО. Д. 309. П. 23. Режим доступа: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGE_GEN_1=20 (дата обращения: 20.05.2024)

27. Botschafter Ritter an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 26. August 1941 // ADAP. S. 330–332.

THE CONTENT AND RESULTS OF GERMAN-TURKISH DIPLOMATIC CONTACTS IN THE FIRST MONTHS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (JULY–AUGUST 1941)

A.G. Postnikov

The article is devoted to some problems of relations between the Third Reich and the Turkish Republic after the signing of the German-Turkish Treaty of Friendship and the German attack on the USSR. The German plans for the future fate of Turkey and its place in the “new Europe” planned by the Nazi elite are considered and analyzed. Spotlight is turned on the differences in the approach of the head of the German Ministry of Foreign Affairs and the ambassador in Ankara to solving the Turkish problem. The main tendencies of the bilateral negotiation process on issues that arose as the military situation in Russia and the Middle East developed are traced. The Turkey’s position and its attitude to military actions conducted by the Axis Powers near its borders, as well as to the requests and proposals of the Germans are also examined. An assessment of the effort results of German diplomacy at this stage is given results at conclusion.

Keywords: Great Patriotic War; German-Turkish Treaty of Friendship; Red Army; Turkish neutrality; “new Europe”; Pan-Turkism; Black Sea Straits.

References

1. Melkonyan K. Soviet-Turkish relations: from neutrality to demand (1941) // Bulletin of the Institute of Oriental Studies. Vol. 1. № 2. Yerevan: Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, 2021. P. 76–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48077759>

2. Papen F. Vice-Chancellor of the Third Reich. Memoirs of a politician of Nazi Germany. 1933–1947: Translated from English. M.: Centerpolygraph, 2005. 590 p.

3. Korhmazyan R.S. On the position of Turkey in relation to the Soviet Union (1941–1943) // Military, economic and diplomatic aspects of the history of the Second World War (Collection of scientific papers). Krasnodar: Publishing House of the Kuban State University, 1990. P. 113–124.

4. Avrutina A.S. German-Turkish relations in the 30–40s of the XX century // The Second World War in the East. The East in the Second World War: A collection of articles by young orientologists. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2005. P. 5–14.

5. Boldyrev A.V. On the views on Turkey's policy during the Second World War in modern historiography of neighboring countries // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2021. № 2 (16). P. 274–281.

6. Dumnova E.S., Kuzmin V.A. Features of English-Turkish relations in 1940–1941 // West, East and Russia: Questions of universal history. № 14. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University, 2012. P. 202–213.

7. Kireev N.G. History of Turkey. XX century. M.: IOS RAS: Kraft, 2007. 608 p.

8. Ragimova A. F. The English-French-Turkish Treaty of 1939 in the context of Turkish-German relations // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2019. № 4 (36). P. 68–75.

9. Datsishina M.V. The failure of propaganda of Nazi Germany in Turkey // Military historical journal. 2018. № 7. P. 52–58.

10. Yeremeyev D.E. Turkey during the Second World War and the Cold War (1939–1990). M.: Academy of Humanitarian Studies, 2005. 220 p.

11. Markovchin V. The awkward game of Turkish mahjong // Youth and knowledge – a guarantee of success: Collection of scientific papers of the 6th International Youth Scientific Conference. Kursk, September 18–19, 2019. Vol. 2. Kursk: Publishing House of the Southwestern State University, 2019. P. 75–80.

12. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Politischer Bericht vom 14. Juli 1941 // Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Bd. XII. 2. Göttingen, 1969. S. 147–149.

13. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 24. Juli 1941 // ADAP. S. 173–174.

14. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm vom 28. Juli 1941 // ADAP. S. 191–193.

15. Reichsaussenminister von Ribbentrop an Botschafter von Papen. Dok. vom 11. August 1941 // ADAP. S. 252–254.

16. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 4. Juni 1941 // Akten zur deutschen auswaertigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen auswaertigen Amtes. Serie D: 1937–1941. Band XII. 2. Baden–Baden, 1969. S. 794–796.

17. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 9. Juni 1941 // ADAP. S. 820–822.

18. Aufzeichnung des Gesanden 1. Kl. Smend. Dok. vom 24. August 1941 // Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Bd. XII. 2. Göttingen, 1969. S. 302–304.

19. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 25. August 1941 // ADAP. S. 306–308.

20. Letters received from the USSR Embassy in Turkey (16.01.1941–22.12.1941) // FPA RF. Coll. 06

- «V.M. Molotov's Secretariat». Aids 3 AUTO. Fol. 297. P. 22. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=19 (Date of access: 22.05.2024).
21. Grak V.N. Military actions in the Eastern Mediterranean countries and the position of Germany (June–July 1941) // Politics of the great Powers in the Balkans and the Middle East (1933–1943). Sverdlovsk: Ural State University, 1977. P. 141–155.
22. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Politischer Bericht vom 4. Juli 1941 // ADAP. S. 70–72.
23. Halder F. The war diary. Daily notes of the Chief of the General Staff of the Army 1939–1942. Vol. 2. M.: Voennizdat, 1969. 628 p.
24. Der Botschafter in Ankara an das Auswärtige Amt. Telegramm vom 9. Juli 1941 // ADAP. S. 91.
25. Der Reichsaussenminister an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 12. Juli 1941 // ADAP. S. 105.
26. About the secret documents captured from the Germans on the preparation of the German fascists for the attack on Turkey (01.07.1941–27.07.1941) // AVP RF. Coll. 06 «V.M. Molotov's Secretariat». Aids 3 AUTO. Fol. 309. P. 23. URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=20 (Date of access: 20.05.2024).
27. Botschafter Ritter an die Botschaft in Ankara. Telegramm vom 26. August 1941 // ADAP. S. 330–332.